

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Требуется
Квазимодо

Детективы о женщине-цунами

Анна Ольховская

Требуется Квазимодо

«Соболева Анна Николаевна»

2013

Ольховская А.

Требуется Квазимодо / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2013 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-62243-6

Красавица Милана Красич просто не верит в произошедшее. Как могла лучшая подруга Лена Осенева убить ее возлюбленного Кирилла Вятке? Убить и отдать тело на растерзание свиньям. И в этом предательстве «заклятой» подружке помогал еще один хороший друг Красич – начальник службы безопасности Кирилла Матвей Кравцов. Как такое возможно? Теперь Милане, вероятно, придется надеяться и опираться в жизни лишь на профессора Шустова, а ведь именно с ним провел свой последний вечер Кирилл. И именно профессор вызвал ту самую лжекарету «Скорой помощи», которая забрала Кирилла. Но до больницы он так и не доехал. Фрагменты его растерзанного тела нашли позднее. А если все-таки Лена не виновата в смерти Кирилла? Тогда кто же и, главное, зачем подставляет лучших друзей Миланы?..

ISBN 978-5-699-62243-6

© Ольховская А., 2013

© Соболева Анна Николаевна, 2013

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Требуется Квазимодо

Часть I

Глава 1

– Ску-у-учно, – коренастый белобрысый парень, чей возраст благодаря не очень здоровому образу жизни конфузливо прятался от точного определения, лениво цвиркнул слюной сквозь щель между зубами. – Чего они все время мужиков сюда таскают, хоть бы одну бабу привезли!

– Много тебе баба кирпичей налепит! – фыркнул его напарник, жилистый высокий дядька с наголо обритой головой. – Тут и мужики дохнут от работы, как кони, а баба, ваще, и неделю не протянет.

– Дак зачем баб на конвейер или в карьер? – светло-голубые глазки (именно глазки, слишком уж мало места занимали они на лице их носителя) мгновенно наполнились похотливым «маслицем». – Они для другого дела нужны, чтоб не скучно было! Ведь круглосуточная в них необходимость имеется, если задуматься! Днем – жарчку готовили бы, стирали, убирали, ночью – нас бы ублажали, со всем тщанием! А кто халтурить бы начал – получил бы по полной программе, и энтузиазм вернулся бы! И не только ночью ведь бабы развлечь могут, но и днем, вот как сейчас!

– Мечтатель! – насмешливо хмыкнул лысый. – Ты, Гришаня, ничего не забыл?

– Забыл, – с хрустом потянулся Гришаня. – Как баба пахнет, забыл за те три месяца, что тут без выходных торчу!

– Ты, похоже, забыл, зачем тут вообще торчишь. И за что нехилые бабки получаешь, кстати. Ты охранником здесь числишься, между прочим. И должен каждые двадцать минут цеха обходить, следить, чтобы эти козлы работали, а не отлынивали! А ты уже больше часа валяешься на койке и ноешь!

– Дак и ты, Гвоздь, вроде не особо утруждаешься, – лениво отмахнулся белобрысый. – Че-то я не видел, штоб ты поскакал в цех, как положено по уставу.

– Потому что я – старший в наряде.

– Ай ладно! Тебе тоже не в кайф тащиться из теплой каптерки в холодный цех! Да еще в такую погоду! Не то снег, не то дождь, слякоть, сырость, бр-р-р! – парня аж передернуло.

– Так ноябрь за окном, не май, – невольно поежился и Гвоздь. – Скоро закроемся. Хозяину придется снова облавы на бомжей и придурков, приехавших в Москву на заработки, устраивать и на Кавказ их отправлять.

– Так это ж здорово! – оживленно потер руки Гришаня. – Хоть отсюда выберемся! И развлечемся, и по бабам пройдемся! Хозяин ведь премиальные за каждого барана дает!

– За каждого сильного и крепкого барана. За доходяг, если ты помнишь, штрафные можно получить, из зарплаты вычтут, если клиент в течение недели копыта отбросит.

– Да как же их разберешь – доходяги они или здоровые? Иногда внешне – лось лосем, а на деле – сопля хилая. А иногда – совсем наоборот. Вон, как хозяин на Пашку с Кабаном из-за Немтыря наезжал, Кабану даже рыло пару раз поровнял – че калеку-то привезли, мало того, что он всю машину в кровиче изгваздал, так все равно подохнет! Лечить-то его тут некому!

– Ага, помню, – усмехнулся Гвоздь. – Хозяин хотел сразу Немтыря пристрелить, но, наваляв Кабану, успокоился и велел мужика в барак оттащить и на нары кинуть. Вдруг оклемается?

– Так ведь и оклемался же! Хотя и остался калекой, а живой! И работает не хуже других, и нас веселит. О, кстати, пойдем пуганем его! – Гришаня закопошился, полез в тумбочку. – Хоть поржем. А то скоро передохнем от скуки, как мухи.

– И не надоело тебе? – покачал головой Гвоздь, поднимаясь. – Всегда ведь одно и то же.

– И че? Все равно ржачка! О, нашел! – белобрысый вытащил из-под груди хлама небольшое зеркало в овальной пластмассовой рамке. – Пошли.

– Пошлю, – хмыкнул напарник, поправив на плече ремень автомата. – Причем неоднократно и в разные места. Оружие не забудь, секьюрити хренов!

– Ой, да ладно! Твоей пушки вполне достаточно, они и так нас боятся!

– Гришаня, тебе что, работа надоела? Мало платят?

– Да не, все пучком, а че?

– А то! Совсем обленился, хрен моржовый! Автомат ему лениво взять! А если хозяин тебя вот так увидит? С зеркалом наперевес вместо ствола? Хочешь в цех попасть, на работу? Кирпичи таскать?

– Ладно, ладно, не бузи, – буркнул Гришаня, взяв со стола оружие. – Теперь доволен?

– А мне, если честно, по фигу, – пожал плечами лысый. – Я те просто напомнил, что тут у нас к чему.

Он первым открыл дверь каптерки, где грелись обычно дежурившие охранники, и страдальчески скривился:

– Ну и хрень! Три часа дня, а темно, как ночью! Вон, тучи какие брюхатые нависли, теперь неделю целую снег с дождем будет лепить! Давай, бегом за мной! Да не топай ты так, слоняра! Грязь во все стороны летит!

– Я те че, балерина, че ли, – бабочкой порхать! – огрызнулся парень, стремившийся побыстрее преодолеть несколько метров, отделявших каптерку от длинного навеса, под которым и располагались «цеха» нелегального кирпичного завода.

Их за последние годы развелось на территории России, как блох на бродячей собаке. Особенно много их было в Дагестане, но и в Подмоскovie тоже имелись – столица ведь активно строилась, и на дома бизнес-класса нужен был кирпич. Много кирпича.

Прибыльный бизнес, между прочим! Глина и песок – все это бесплатно, главное, хороший карьер найти и местную власть подмазать. Капитальную стройку разворачивать не надо – привез к карьере оборудование (печи, конвейер и т. д.), установил навес от дождя и снега, огородил территорию колючей проволокой, выкопал землянки для рабов, установил полевою кухню, теплые вагончики для охранников, отловил в городе кучку бомжей и гастарбайтеров и – вперед! Лепи себе кирпичи – и складывай в карманы прибыль. А выбывшие из строя из-за непосильной работы и скотских условий жизни рабы просто и незатейливо закапывались на дне выработанного карьера...

Единственный минус этих подмосковных заводиков – зимой они работать не могли, морозы не позволяли. Приходилось сворачивать лавочку до весны и переходить на поставку рабов для республик, то есть стран! – Кавказа.

Вот и этот заводик, затаившийся приблизительно километрах в ста от Москвы, дотягивал последние дни. У конвейера осталось совсем мало рабов – с наступлением холодов жить в землянках и работать на открытом воздухе могли только самые сильные и крепкие.

Хотя внешне о них этого сказать было бы нельзя.

Например, человек, к которому направились сейчас охранники, вообще непонятно каким образом удерживал свое исковерканное тело в вертикальном положении. Вернее, почти в вертикальном...

Его словно скрутили когда-то в жгут, вывернув ноги и руки самым невероятным образом, да так и оставили. И непонятно было – то ли это переломы неправильно срослись, то ли тело мужчины свело вечной судорогой.

В пользу последней версии свидетельствовало его лицо. Понять, как выглядит – или выглядел – этот несчастный на самом деле, было практически невозможно: мышцы лица чудовищно исказились, словно какой-то безумный кукольник, обкурившись травы, решил вылепить из глины свой личный глюк.

И вылепил. Утопив в складках щеки левый глаз, заставив вытаращиться правый, вытянув вперед нижнюю губу и втянув внутрь верхнюю...

Красавец, в общем, писаный. Особенно если ко всему вышперечисленному добавить обритую наголо (чтобы вши раньше времени не загрызли) голову с отросшим «ежиком» грязно-серых волос. Вернее, волосы его скорее всего были черными, с проседью, но сейчас они выглядели порослью неопрятной плесени на покрытой шрамами голове.

Гришаня на цыпочках подкрался к складывавшему на поддон кирпичи бедолаге и резким движением руки выставил перед его глазами зеркало.

Увидев свое отражение, несчастный взвыл, отшатнулся, закрыл лицо скрюченными, похожими на клешни, руками и, упав на пол, забился в истерике, мыча что-то невразумительное.

Белобрысый, захлебываясь от восторга и регоча, отводил его руки-клешни от жуткого лица, вновь и вновь тыкал зеркало чуть ли в нос бедняге, глумливо выкрикивая:

– Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи – я ль на свете всех милее? А? Всех румяней и белее?

До тех пор, пока раб не заплакал, тихо и безнадежно.

– Ладно, хватит, – поморщился лысый, вовсе не разделявший веселья своего молодого напарника. – Хорош, говорю! И так народу мало осталось, а ты своими забавами еще одного из строя вывел!

– Ниче, щас я его подыму! – гыгыкнул Гришаня и лениво пнул скорчившегося в позе зародыша мужчину: – Эй, Немтырь, подъем! Хватит отдыхать, чучело! А то щас опять зеркало достану! Ну! Кому сказал!

И он ударил сильнее. Потом – еще круче врезал. Потом – со всей дури, азартно оскалившись.

Но продолжить развлечение парнишке не удалось – он огреб подзатыльник от напарника и, огрызаясь, вынужден был продолжить обход цеха.

Оставив на полу дрожавшую от боли и ужаса жертву.

Глава 2

Они снова и снова к нему приходили. Снова – страх и боль. Всегда только страх и боль. Иногда – сильные, очень, как сейчас, но обычно это была ровная, безнадежно-унылая трясина ставшего привычным кошмара.

Он ничего не помнил, кроме этого кошмара. Кто он такой, откуда, как его имя, есть ли у него семья, кем он был раньше – вообще ничего.

Отсчет его нынешней жизни пошел с медленного, мучительного всплывания на поверхность черной бездны, в которой он пребывал...

Он не знал, сколько времени пробыл в этом безвременье. И как туда попал. Просто свернувшееся в точку сознание вдруг вздрогнуло, словно услышав жалобный крик кого-то очень близкого, самого родного, самого любимого...

И точка сознания запульсировала в ответном крике. И начала расти, хотя это было невозможно. Так, во всяком случае, выла и рычала бездна: «Невозможно!» – сдавливая его сознание со всех сторон. Она не только давила, она еще и рвала когтями, и хлестала щупальцами, и грызла, грызла, грызла разум и сознание жертвы, выполняя приказ Хозяина.

И почти выполнила этот приказ, оставив от его разума жалкие ошметки...

Но только – почти. Потому что в каждом из обрывков сознания сохранилось общее ядро. Как в любой живой клетке. Из которых состоит любой организм.

И к моменту окончательного возвращения на поверхность реальности из разбросанных обрывков и клочков сложился новый организм, вернее – новый разум. Пусть изувеченный, пусть маленький, почти ни на что не годный, но – разум. С пылающей в самом центре одной-единственной мыслью:

ОН ДОЛЖЕН СПАСТИ.

Кого, зачем, от чего спасти – этого он не знал. Он вообще ничего не понял, когда реальность окончательно разрешила ему вернуться из небытия.

Потому что трудно понять что-либо, с размаху погрузившись в океан боли. Дикой, невыносимой боли во всем теле. Словно чудовищная судорога свела не одну мышцу, а сразу все. И отпускать их боль явно не собиралась.

Он едва сдержал крик, перешедший в глухой стон. Зачем он это сделал – он понятия не имел. Изувеченное сознание пока что не в состоянии было что-либо решать, думать, анализировать, сейчас им руководили лишь инстинкты. Звериные инстинкты, когда-то позволившие человеку выжить в первобытном мире.

Именно они и заставили его сдерживать крик. А затем пришло желание: открыть глаза и осмотреться.

Молчи, затаись, слушай!

Он послушно выполнил приказ, хотя сделать это было невыносимо трудно – боль буквально выворачивала его наизнанку.

И не зря он сдержался, как оказалось.

Над головой его что-то скрипнуло, и в легкие ворвался поток свежего воздуха – вдруг обнаружилось, что до этого момента он дышал спертой вонючей смесью, в которой было больше паров бензина, чем кислорода.

Его весьма бесцеремонно перевернули, а затем жесткие пальцы приподняли его веко.

– Ну как? – поинтересовался незнакомый мужской голос. Говорил, похоже, какой-то молодой мужчина. – Неужели очнулся?

– Нет, конечно, – уверенно произнес другой голос, принадлежавший мужчине постарше. Смутно знакомый голос, от звука которого пришедшему в себя человеку захотелось с рычанием вцепиться в глотку его обладателя. – Это в принципе невозможно, в этом теле больше нет

разума, нет личности. Я уничтожил ее. Вернее, его. Кирилла Витке больше не существует, ясно?

– Но точно так же вы говорили, что это тело больше ничего никогда не почувствует, а он застонал!

– Скорее всего, это была рефлекторная реакция телесной оболочки – на толчок. Машину сильно подбросило, я сам едва язык не прикусил! Ты бы, Сергей, лучше поаккуратнее водить научился!

– Да я и так аккуратно, просто темно очень. С тех пор как мы с федеральной трассы свернули, не дорога началась, а полный отстой! Ни одного фонаря, приходится полагаться только на свет фар, а в этом свете всех колдобин никак не различить!

– Ты же ездил сюда днем, на рекогносцировку! Все должен был изучить!

– Можно подумать, Петр Никодимович, я сюда приезжал, чтобы подробный план местных грунтовок составить! Мне, смею напомнить, было чем заняться!

– Ладно, не ворчи. Ты молодец, не спорю, все сделал как надо. И со свиньями... это ты изящно придумал. Откуда такой полет фантазии?

– А, в каком-то боевичке «штатовском» видел – там тело чересчур любопытной девки как раз свиньям и скормили. Я еще удивился тогда – хрюшки разве мясо едят?

– Едят, Сережа, они все едят. Так что опознать нашего красавчика будет очень сложно.

– Кстати, а зачем нам это?

– Что?

– Ну, чтобы его трудно было опознать? К чему такие сложности? Нам ведь обратное требуется – чтобы никто не усомнился в зверском убийстве именно Кирилла Витке! Совершенного его любовницей.

– Да, вот только сложно будет объяснить причины такого состояния тела погибшего, – над головой жертвы что-то снова стукнуло, голоса стали глуше. Правда, ненадолго – говорившие переместились вперед, и слышимость опять улучшилась. Тип постарше продолжил: – А нам разве хочется, чтобы у следствия возникли ненужные вопросы?

– Какие еще вопросы?

– Да хотя бы первый и самый для нас опасный – что произошло с телом? Мы ведь все инсценировали так, чтобы и сомнений не возникло – девка разозлилась на любовника за то, что он решил ее бросить. Она отравила его и затем скормила тело свиньям, чтобы все считали Кирилла Витке пропавшим без вести. Но ее вовремя разоблачили и нашли останки несчастного до того, как они полностью исчезли в желудках милых хрюшек. Все так?

– Ну да. Но я по-прежнему не понимаю, зачем такие сложности? Зачем уничтожать тело? Ведь если труп любовника просто найдут в доме Елены Осеновой, для следствия этого окажется более чем достаточно!

– Все-таки ты был и остался раздолбаем, и как только тебя Раал выносит?

– Это вопрос спорный – кто кого носит, – пробурчал молодой.

– Вот именно – спорный! А что касается тела Кирилла – как, по-твоему, объяснить искоренность его рук и ног? Ты же видел, как его скрутило!

– Ну и что? После смерти мышцы расслабятся...

– Идиот, они заостенеют как раз!

– Не факт! Трупное окоченение...

– Все, хватит! – рявкнул старший. – Сосредоточь лучше свое внимание на дороге, а не на спорах с Учителем!

– Мне вы не Учитель, если вы забыли...

– Заткнись, я сказал! На роль Проводника и другого кандидата найти можно, если *ты не забыл!*

– Будто у вас время есть искать...

– Сергей, – голос старшего неожиданно заледенел, стал каким-то неживым, – не зарывайся. Не надо.

Салон автомобиля внезапно наполнился тяжелой, чуждой, душной энергетикой. От чего звериные инстинкты лежавшего в багажнике мужчины мгновенно ощетинились, приготовились к броску.

А сидевший за рулем тип по имени Сергей испуганно просипел:

– Прошу меня простить! Это я от усталости – так трудно соображать, когда действуешь в режиме цейтнота.

– А тебе и не надо соображать, тебе надо четко выполнять инструкции!

– Да, конечно.

Оставшуюся часть пути спутники, вернее подельники, ехали молча.

Услышанное никак не хотело складываться в общую картину. Слишком много информации, кое-как слепленные осколки разума жертвы не справлялись с этим потоком, наоборот, поток этот вновь чуть было не размыл их на составные части-обрывки...

И опять за дело принялись инстинкты. Вернее, один из них – инстинкт самосохранения.

Из мутного потока чужой ментальной грязи он выделил самое главное на данный момент – хозяина инстинкта хотят убить.

А значит – надо бежать.

Глава 3

Но как? Как это сделать, если хозяин лежит в плотно закрытом багажнике? Ну да, руки и ноги у него ничем не связаны – убийцы не сочли нужным возиться с веревками, они были абсолютно уверены в том, что их пленник – всего лишь пустая телесная оболочка, неспособная на какие-либо действия.

Но и упругим движением выпрыгнуть из багажника, едва лишь эти двое поднимут крышку, а затем парой ударов отправить их в нокаут – это тоже не получится. Потому что тело хозяина сейчас не в состоянии даже пошевелиться без стога, а руки и ноги его все же... связаны.

Связаны скрючившей их судорогой. И подчиняться приказам нервной системы они отказываются категорически. Просто взяли – и грубо послали «систему» туда, куда приличные дамы заглядывают исключительно по любви.

Ситуация с унылым «чвяком» погружалась в трясику безнадежности, если выразиться метафорически...

И тут откуда-то издалека опять пришла боль. Не физическая – душевная. И – не его боль.

Но она оказалась такой сильной, такой отчаянной, такой невыносимой, что его личные муки показались всего лишь легким дискомфортом. А угасшая было искра разума снова вспыхнула и пылала теперь все сильнее и сильнее.

Он по-прежнему не знал, кто он такой и что с ним произошло. Услышанные от двух подонков имена никак не отозвались в искаленном сознании. Кто такие Кирилл Витке и Елена Осенева – ему было безразлично.

Сейчас его занимало только одно: ЕЙ плохо. Очень плохо. Ее душу рвут сейчас на части – точно так же, как недавно рвали его разум. И если он не поможет ЕЙ, она исчезнет. Прежняя ОНА – исчезнет...

Его уверенность нельзя было объяснить пониманием или знанием, он просто ощущал это всем своим существом, словно ЕЕ боль была его болью.

Правда, он понятия не имел, кто такая эта ОНА, как ее зовут, кем ОНА ему приходится, где ЕЕ искать, в конце концов!

Все это было слишком сложно для изувеченного разума жертвы. Поэтому разум выбросил вон ненужные рассуждения и попытки разобраться что к чему, сосредоточившись на одном – на побеге.

Почувствовав поддержку, оживился инстинкт самосохранения: глухо застонав, поднялась с колен сила воли.

Теперь их было как бы трое. Теперь они справятся – должны справиться!

Тем временем автомобиль, увозивший его навстречу смерти, остановился. Двигатель, устало фыркнув, заглох, хлопнули дверцы, а спустя пару секунд в легкие калеки вновь хлынул свежий холодный воздух с привкусом дождя.

– Ну, как он там? Живой? – Голос младшего поделщика.

– Сейчас гляну. – Шею жертвы с левой стороны сдавили жесткие пальцы. – Живой. Да, собственно, его физическое состояние не такое уж и безнадежное, он мертв ментально, а физически – он мог бы протянуть сколь угодно долго. Сердце у него здоровое, организм в целом – тоже, он всего лишь сведен вечной судорогой. Но если бы господин Витке все же хоть немного сохранил свое «Я», он бы сейчас не лежал, как бревно, а выл бы от боли.

– Прямо уже и выл бы!

– А у тебя когда-либо сводило судорогой ногу, к примеру?

– Ну, было такое дело пару раз.

– Больно тебе было?

- Не то слово! И позже, когда судорога отпускала, еще пару дней побаливало.
- Так вот, представь себе, что у тебя свело не одну ногу, а ВСЕ мышцы тела, в том числе и лицевые.
- Нет уж, спасибо! – У молодого даже голос дрогнул. – Тогда точно – он типа в коме, иначе орал бы беспрерывно.
- Давай вытаскивай его и в дом неси.
- А вы мне разве не поможете?
- Еще чего! Ты у нас парень молодой, сильный – сам справишься. А я пойду проверю, как там наша горе-любовница. Надеюсь, не сбежала.
- Куда ей! Я ей слоновую дозу транквилизаторов вкатил, до завтрашнего обеда она не очухается!
- Не забывай: Осенева – не обычная девица, в ней течет кровь Гипербореи, так что она может очнуться гораздо раньше.
- Я это учел и именно поэтому вкатил дозу, от которой обычная девица уже отправилась бы на небеса, играть на арфе. А вот, кстати, почему вы решили подставить Осеневу, а не попытаться склонить ее к сотрудничеству? Она же единственная, насколько мне известно, оставшаяся в живых после смерти Квятковской носительница Древней Крови? Во всяком случае, из найденных Раалом личности? Она должна владеть хоть какой-то ментальной силой предков!
- Она и владеет. Тем и опасна.
- Но почему опасна?
- Потому что ее душа слишком человеческая, слишком светлая. В ней нет зла.
- У каждого есть в душе что-то темное, абсолютно светлых людей не бывает.
- Бывают. Те, кого другие люди называют святыми.
- Ага, и Осенева у нас – святая! Мать Тереза!
- Нет, Елена вовсе не святая, глупостей в своей жизни она натворила достаточно, но суть ее, основа, так сказать, – светлая. И эта основа слишком твердая, чтобы ее можно было сломать. Проще – устранить.
- Ну так и шлепнули бы ее, зачем такую сложную схему придумывали, да еще и в режиме цейтнота! Нет человека – нет проблемы.
- И снова повторю – не обычного человека, а уникального! И Эллар, и твой Раал, насколько мне известно, категорически против физического устранения единственного известного им потомка гиперборейцев. Они рассчитывают, что зона все же сделает свое дело, и из заключения выйдет совсем другая Елена Осенева, готовая, так сказать, перейти на нашу сторону.
- И зачем им это? Ведь к тому времени мы и так откроем Врата, и сюда придут истинные гиперборейцы. И настрогают – между делом – еще кучу потомков.
- Во-первых, не кажи «гоп», как говорится. Врата уже не единожды пытались открыть, но, как видишь, они по-прежнему закрыты...
- Но теперь мы устранили практически всех, кто нам помешал тогда это сделать!
- Не всех.
- За остальными дело не станет.
- Раал, похоже, опять отвлекся на беседу с Элларом, – тяжело вздохнул старший, – оставив тебя одного. Иначе ты бы не «тупил» так.
- Ничего я не «туплю», – проворчал младший. – Все ведь уже и так ясно: Витке мертв, Осенева сядет за его убийство, Милана Красич станет вашей марионеткой, ее папашу и Кравцова мы ликвидируем, я женюсь на Милане, и все состояние Красичей станет нашим.
- Ты забыл о Яромире, брате Миланы.

– А что – Яромир? Его Квятковская уже один раз сделала своим рабом¹, второй раз пройдет легче. Будет у нас ручной голливудский актеришка!

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – проворчал старший. – Рано ты расслабился, Сергей. Вот когда мы действительно все закончим, тогда и можно будет почить на лаврах, а пока – хватит болтать, у нас еще дел невпроворот! Вытаскивай тело и тащи его в дом.

– Ладно, поехали, предшественник! – Сильные руки рывком вытащили жертву из багажника и бесцеремонно взвалили его на плечо. – В последний раз ты меня оседлал, приятель! Скоро ты пойдешь на корм свиньям, а я женюсь на твоей женщине! Она у тебя – красотка, и это не может не радовать! Ох, ну ты и тяжелый! И твердый, как будто и на самом деле из дерева сделан! А, это, наверное, из-за сведенных судорогой мышц...

Сергей еще что-то бубнил, но он – жертва – больше не прислушивался. Он пытался охладить пылающий разум, откинув вновь прибывшую информацию в сторону. Снова эти имена – Кирилл, Елена, а теперь еще и Милана какая-то! Все – потом, позже, а сейчас надо помнить только об одном: он должен сбежать.

Должен!

Но пока что он удалялся от столь желанной свободы все дальше. Вот его вносят в дом – сразу стало тихо и тепло: вот «носильщик», крихтя, поднимается на второй этаж, тащит его куда-то, затем с облегченным вздохом сбрасывает на пол.

И жертва с грохотом падает, ударившись головой. Наверное, больно ударившись, но на фоне непрекращавшейся мышечной боли калека ничего не почувствовал.

– Ты с ума сошел?! – недовольно заорал старший. – Ты же ему чуть шею не свернул!

– И что? Он все равно мертвец, пусть и физически живой! – огрызнулся Сергей. – А вот я чуть не сдох, пока его сюда дотащил! Он же тяжеленный и твердый, настоящее бревно!

– А как, по-твоему, мы сделаем эротические фотографии их с Осеневой постельных утех, если у любовничка будет свернута шея? Или синяки на теле обнаружатся?

– О, а кстати, о фотографиях! – в голосе младшего зазвенело скрытое торжество. – Вы вот из-за синячков переживаете, на меня наехали, а где вы видели ВОТ ТАКОГО любовничка! Искореженного, как попавшая под грузовик тряпичная кукла? А? Упустили моментик-то, Петр Никодимович!

– Расслабься, Сережа, – снисходительно произнес старший. – Подкузьмить меня – это у тебя не получится, все идет по плану. Я верну Кириллу прежний облик, «отпустив» его мышцы... примерно на час. Надеюсь, мы за это время уложимся с инсценировкой постельной сцены, потому что потом судороги вернуться.

– Ничего не понимаю! Если его тело все же можно расслабить, тогда почему вы говорили о том, что именно искореженность мышц может навести следствие на опасные мысли?

– Потому что вырывающее душу заклятие снять полностью невозможно! Наложённое один раз, оно остается на жертве навсегда, и даже после смерти. Ослабить все это на какое-то время – можно, но на очень короткое. Час – максимум, а потом его снова скрутит в жгут. Так, раздень пока что Осеневу, а я займусь нашим красавчиком.

– Раздеть – это мы с удовольствием!

¹ Читайте роман Анны Ольховской «Вампир, мон амур!», издательство «Эксмо» (прим. ред.).

Глава 4

И вдруг его виски сдавили чужие ладони. Чужие не потому, что принадлежали они не ему, а потому, что от этих ладоней в его голову струилась чужая, нечеловеческая энергия.

Эта энергия ленивой змеей втекла в самую середину стягивавшего мышцы узла и слегка надкусила центр нервного сплетения.

Он едва не закричал. На этот раз – от облегчения, потому что изматывающая душу боль исчезла.

Хотя нет, боль не исчезла: она словно онемела, затаилась на периферии нервной системы, как после анестезии.

А вот руки и ноги расслабились, стали послушными, как и все тело. И жертве стоило огромных усилий, дружной, слаженной работы всего «триумвирата» его помощников, чтобы удержать это тело на месте, не позволить ему уподобиться курице с отрубленной головой: то есть вскочить и заполошно заметаться из стороны в сторону, ничего не соображая. Потому что в связи с утратой головы соображать-то и нечем.

Хотя ему, жертве, если честно, соображать тоже было почти нечем. Но только почти: пусть исковерканный, пусть жалкий остаток прежнего, но разум все-таки у него имелся. Один из всего «триумвирата».

Поэтому он не вскочил, не оттолкнул ненавистного чужака, нет. Он даже глаза не открыл, по-прежнему притворяясь полноценным таким, полностью состоящим из древесины, поленом. Или, учитывая его рост и вес, – бревном.

– Ничего себе! – присвистнул молодой. – Он вновь стал прежним! И морда такая же смазливая, ни следа уродства! Только бледный очень, больше на покойника похож, чем на любовника.

– Меньше болтай, больше делай! Ты раздел девицу?

– А что, не видно? Ох, и классное же у нее тело!

– Прекрати ее лапать, жеребец! Марш за фотокамерой!

Кажется, молодой попытался все же воспользоваться беспомощным положением неизвестной девушки, но старший ему этого не позволил. Если честно, происходящее сейчас в комнате жертву мало интересовало, потому что мужчина точно знал – ЕЕ здесь нет.

И он на какое-то время отключился от реальности, попытавшись собрать услышанную накануне информацию хотя бы в подобие чего-то целого. Изнуряющей боли, практически полностью глушившей сознание, он сейчас почти не ощущал, так что разум временно взял руководство на себя.

Кажется, именно его эти два ублюдка называли Кириллом. Кириллом Витке. А девушку, которую собираются подставить, обвинив в его убийстве, зовут Елена Осенева. И она вроде не совсем человек, а потомок каких-то гиперборейцев...

Разум жалобно всхлипнул и свернулся в клубочек, выкинув белый флаг. О гиперборейцах он думать отказывался, потому что понятия не имел, кто это такие. Или, может быть, – что это такое?

Ладно, остановимся на том, что жертва теперь знает свое имя. Хотя это имя никак не откликается ни в душе, ни в сознании.

«Ничего, примем как данность. Я – Кирилл Витке. Осталось только понять, кто такая ОНА? Та, чья душевная мука вырвала меня из небытия. Та, ради которой я сейчас живу. И жил раньше, наверное...»

Эти двое – кажется, Сергей и Петр Никодимович – называли еще одно женское имя. Милана Красич.

Он прислушался к своим ощущениям, попробовав на вкус это нежное имя. Ни-че-го. Абсолютная пустота. Но ублюдок по имени Сергей глумливо намекал на то, что скоро женится на *его женщине*. И именно ее зовут Милана Красич. Кажется, она – наследница огромного состояния.

Еще какие-то фамилии и имена прозвучали, но он их забыл. Да это и неважно, надо запомнить хотя бы эти.

Кирилл Витке, Милана Красич...

Он повторял эти имена как заклинание, все то время, пока его раздевали, укладывали в постель, прижимали к нему теплое женское тело, такое же безвольное, как и его собственное. Переплетали их тела в причудливых позах, чертыхались, снова перекладывали их...

Кажется, у них ничего не получалось. Да и странно было бы симитировать страстную постельную сцену, имея в качестве статистов бесчувственные тела.

А время между тем уходило. Бегом бежало. И он, Кирилл, в любой момент мог снова стать перекрученным уродом, неспособным передвигаться самостоятельно.

Он, наверное, об этом совсем забыл бы, если бы Петр Никодимович не напоминал постоянно. Старший нервничал все сильнее, орал на Сергея, топал ногами – в общем, психоз нарастал.

А ему, человеку по имени Кирилл, все сложнее было притворяться марионеткой. Пока он что-то может, пока руки и ноги как-то его слушаются, надо хотя бы попытаться сбежать!

Пока не стало безнадежно поздно...

И он едва не натворил глупостей, не думая о том, что даже с послушными руками и ногами он вряд ли справится с двумя сильными мужчинами. И эффект неожиданности в данном случае мало чем ему поможет.

Но в последний момент, когда он уже готов был к броску, двое сильных мужчин решили, что именно этот кадр вполне подойдет для их целей. И теперь можно позволить себе немного отдохнуть и выпить вискарика, желательно со льдом.

Сергей вновь изъявил еще более возросшее желание «употребить» роскошное тело Осеневой по назначению, за что получил полноценный подзатыльник от старшего:

– Хватит кобелировать! Ее же непременно на медицинское освидетельствование отвезут и обнаружат твои биологические следы!

– А откуда они узнают, что следы – мои?

– Кретин, да не именно твои, но – постороннего мужчины, и не Кирилла Витке – точно!

– А... ну да, анализ ДНК и все такое. Понял. А если я...

– Никаких «если». Все, пошли вниз, в гостиную. Ты точно в баре видел виски?

– Точно. А в морозилке – лед. Она хоть и не жила тут постоянно, но для приема гостей необходимый минимум, похоже, у нее всегда имелся.

– Тогда идем, отдохнем немного. Нам еще этого в свинарник соседа-фермера придется тащить.

– Что, прямо так – живого?!

– Можно было бы и прямо так – он все равно ничего не чувствует, – но его ведь как бы любовница отравила, ты не забыл? А значит, придется нам пожертвовать небольшим количеством виски, добавив туда один симпатичный ингредиентик.

– Что-то из арсенала Эллара?

– Ну зачем же все так усложнять? Банальный цианид.

– А если его снова скрутит, до того как мы вернемся?

– Не если, обязательно скрутит, час свободы, о котором я говорил, – это максимально возможный срок, так что минут через десять-пятнадцать господин Витке опять превратится в жгутик. Точно я не знаю, Эллар никогда еще не применял заклятие вырванной души *в этом времени*.

– Но как же мы вольем виски в его искореженный рот? Он глотать-то хоть в состоянии?

– Куда он денется!

И палачи ушли.

А он впервые за истекшую вечность открыл глаза.

Светлая просторная комната, судя по мебелировке – спальня. Он лежит на широкой кровати, абсолютно голый. Рядом – обнаженная девушка. Смуглая кожа, коротко стриженные черные волосы, красивая. И – незнакомая.

Но к этому состоянию «потерянности» он уже немного привык. Так даже легче – он сейчас должен будет бросить, оставить здесь незнакомку, предоставив девушку ее собственной судьбе.

Чтобы попытаться изменить свою судьбу. Ведь этой девушке смерть не грозит, а вот ему – грозит. И заканчивать свой земной путь в чане со свинячьим кормом ему не хочется! Ну вот ни капельки.

Он осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям, приподнялся. Тело вроде подчиняется. Конечно, ныли все мышцы, кружилась голова, но он двигался.

И вполне уверенно.

А значит, нельзя терять ни секунды!

Он стянул, стащил себя с кровати – с гибкими упругими движениями как-то дело не складывалось, тело словно бы принадлежало столетнему старцу, а не молодому мужчине, но главное – принадлежало! Ему.

Так, теперь надо одеться.

Он добрал до сваленной на полу кучи одежды, но процесс шел слишком медленно. Терпения ему хватило только на то, чтобы натянуть белье, брюки и рубашку. И хватит. Пиджак валялся почему-то в стороне, носки вообще расползлись по комнате, словно он самостоятельно раздевался, а не помогли ему, а о галстук он даже и не вспомнил.

Стильные туфли из мягкой кожи он тоже оставил в покое – босиком лучше, меньше шума возникнет.

Он осторожно приоткрыл дверь спальни и выглянул наружу. Так: комната эта – на втором этаже, снизу слышатся голоса его палачей, звон стаканов – расслабуха продолжается.

Ну что же, это радует. Вот только проскользнуть мимо них... Это вряд ли у него получится – заметят.

Значит, придется убежать через окно. Решеток на нем нет, и очень хочется надеяться, что водосточная труба расположена аккурат возле окошка.

А вот и не аккурат! Далеко она висела. К тому же моросил мелкий холодный дождь, от которого и подоконник, и стена стали очень скользкими.

В таких условиях столетнему старцу уйти не удалось бы. Потому что у настоящих столетних старцев с мотивацией плоховато.

А вот у него с мотивацией – как раз все супер. Вдохновляющая такая мотивация, бодрящая.

Он должен справиться. Должен, и все!

Глава 5

И он справился. Как, почему – он понятия не имел.

Что именно заставило его? Это слабое, измученное тело послушалось, оно сумело сначала бесшумно вылезти через окно, затем вскарабкаться на крышу, оттуда – перебраться на росшую метрах в полтора от дома старую березу (подсознательно он порадовался ее разросшейся кроне), проползти по веткам, оставляя на них ключья одежды, и пусть грузно, пусть неуклюже, но почти без травм сползти с дерева – с внешней стороны ограды.

И это все при том, что дождь все «нудил», лил, не прекращаясь, промозглый осенний холод мгновенно пробрался под тонкую рубашку, укутал льдом босые ноги, попытался совсем заморозить и так стывшие на ветру руки.

И в любую минуту тело это могло вновь превратиться в пульсирующий адской болью жгут, управлять которым он не умел.

Пока не умел.

В общем, по всем законам физиологии, биологии, логики и чего-то там еще сбежать пленник не мог. Ну никак.

Но он сбежал.

И, судя по воплям, донесшимся из дома, палачи обнаружили пропажу бесчувственного тела.

Надо отдать им должное – идиотами они отнюдь не были. И не вылетели из дома с удалым матом, стреляя во все стороны, – не на хуторе они ведь, а в густонаселенной деревне. А свидетели, судя по всему, сладкой парочке были ну совсем ни к чему.

Ведь Елена Осенева «убила» своего любовника в одиночку, без помощников.

В общем, вопли в доме быстро затихли, а через минуту входная дверь распахнулась и оттуда выскользнули две тени. Тени – потому что свет фонарей основательно скрывал державших их мужчин.

– Как?! – сквозь зубы прошипел Сергей, лихорадочно гоня луч света по двору. – Как он это сделал?! Вы же говорили, что он ментально мертв, что Кирилл Витке как личность больше не существует! А он существует, и довольно-таки шустро так существует!

– Не знаю! – огрызнулся Петр Никодимович, осторожно спускаясь со ступенек. – Я ведь говорил – в нашем времени и в нашем мире Элар свое заклятие еще не применял. К тому же он действует через меня, а это тоже скорее всего вносит определенные коррективы.

– Ни фига себе коррективы – труп сбежал! Это же – все!

– Успокойся! Раал, если ты здесь, угомони своего носителя, у нас нет времени на его истерику!

– Я вовсе... – зашипел было Сергей, но вдруг как-то странно дернулся, лицо его застыло, а голос стал монотонным, ледяным: – Ты же знаешь, Наместник, что я могу полностью контролировать Проводника только при совершении определенных ритуалов, а делать это постоянно – невозможно. В нем ведь нет ни капли нашей крови, он – обычный человечешко, ставший Проводником исключительно вследствие смерти своего брата. И то обстоятельство, что я сейчас вынужден тратить силы на тотальный контроль личности Проводника, на какое-то время усложнит мои привычные отношения с Носителем! И светлая часть его души может очнуться!

– Раал, я все понимаю, – тот, кого назвали Наместником, страдальчески поморщился, – но ты же видишь – у нас форс-мажор! Ты ведь Жрец, так подскажи – как это получилось? Почему заклинание вырванной души не подействовало? Почему Кирилл Витке не исчез?

– Он исчез, – холодно обронил Сергей, медленно направляясь в обход вокруг дома.

– Но как же...

– Личность его исчезла, но инстинкты, рефлексy тела сохранились, по-видимому. И когда Эллар на время ослабил действие заклЯтия, освободившееся тело начало действовать.

– Между прочим, на удивление ловко действовать!

– Инстинкт самосохранения – один из самых мощных. Он еще и не на то способен, когда особь хочет выжить! Но, как только восстановится действие заклЯтия, а это произойдет скоро, в любой момент, если уже не случилось – ваш беглец даст о себе знать диким воем.

– Этого еще не хватало! – всполошился Петр Никодимович. – Он же всех соседей перебудит!

– Вот поэтому и надо его найти как можно раньше. Так, во дворе его нет, – палачи как раз закончили обход дома по периметру, – участок маленький, спрятаться тут негде. Значит, надо искать его на улице.

– А если он уже к кому-то из соседей в дверь стучится?!

– Тогда поспешите. Странно, конечно, что он все еще молчит, заклЯтие уже давно должно было вернуться и заработать!

А оно и вернулось. Неожиданно, резко, в долю секунды, словно гигантский великан, которому надоело смотреть на слишком резвую букашку, взял и легким движением пальцев скрутил насекомое в жгутик.

И рвавший горло жертвы крик действительно рванулся на волю, но «триумвират» помощников был на страже и успел перехватить предательский вопль, преобразовав его в мучительный стон.

К этому моменту бывший Кирилл уже смог странным, ковыляющим шагом, торопясь и спотыкаясь, добраться до околицы – дом, в котором его удерживали, стоял на самом краю деревни (или поселка, он толком не разобрался, где побывал). Да и какая разница – главное, что он сумел дойти до какой-то дороги!

Пусть узкой, всего лишь двухполосной, но – дороги! С асфальтовым покрытием, а значит – это не местная грунтовка, а транспортная... если не артерия, то хотя бы «венка», связывающая в единое целое населенные пункты, покрупнее того местечка, где он оказался...

И по ней должны, просто обязаны проезжать машины!

Ну да, сейчас, судя по всему, глухая ночь, но ведь и ночью люди ездят! Пожалуйста, ну хоть кто-нибудь, ну сверните сюда!

И, словно в ответ на его немую мольбу, вдали замаячил свет фар. Сердце жертвы бешено заколотилось в грудной клетке, словно пыталось вырваться наружу, изувеченный разум едва не отключился от радости, и он, спотыкаясь и скользя по мокрой траве обочины, рванулся навстречу приближавшимся огням...

И именно в этот момент жертву и скрутило. И швырнуло прямо под колеса несшегося по дороге джипа.

Сквозь захлестнувшую его волну боли он еще успел услышать визг тормозов, потом – мощный толчок в плечо... кажется, там что-то хрустнуло... он куда-то летит, а вот куда – увидеть он уже не успел. Сознание жертвы облегченно (или трусливо?) отключилось.

Передние дверцы черного «Гранд Чероки» распахнулись, пассажиры нокаутировали окрестности ревом шансона, и из салона торопливо выпрыгнули двое рослых, бритых наголо парней, чья внешность не требовала объяснений, где и кем трудятся эти милые ребята.

Не мерчендайзеры они, нет.

И не выпускники Гарварда. Потому что в лексиконе выпускников Гарварда вряд ли присутствуют те изысканные речевые обороты, коими щедро была усыпана речь этих двух джентльменов:

– Твою мать, Пашка! – заорал джентльмен, чей торс отличался особой корпулентностью. – Че ты на дорогу не смотришь!

– А че он так вылетел, ваще, под колеса?! – огрызнулся менее внушительный, но тоже вполне себе объемный товарищ. – Видит же – ночь, дождь, надо по сторонам смотреть, а не переться напролом, вылупив глаза! Небось шары позаливал, козел чмошный! Слышь, Кабан, глянь, он живой или того, коньки отбросил?

– Ща, – тип, которому удивительно подходила его кличка, враскачку потрусил к телу, отброшенному ударом в сторону. – Ни фига се его зашвырнуло! Ну точно – бухарик, даже одеться толком не смог! Ишь, босиком поперся! Ох, мать твою!

– Ты че? – нахмурился Пашка, озадаченно наблюдая, как его приятель отпрыгнул от сбитого ханурика, словно от змеи.

– А ты сам глянь!

– Ну гляну, ну и че? – Пашка приблизился к сбитому человеку и вдруг визгливо заорал: – Че за хрень?! Кто это?!

– А кто его знает! Чудище какое-то!

– А может, это его от удара так перекорежило?

– Не, ты че? От удара вон, кровяца потекла у него, а все остальное – его собственные «украшения», похоже.

– Слушай, Кабан, – голос второго господина вновь дрогнул, – а если он – зомби, а?! Помнишь, мы кино смотрели? Там похожие уроды везде ползали и на людей нападали!

– Че ты мелешь? – скривился Кабан, но по его глазам было видно – уверенности в реальности происходящего у него нет. – Какой еще зомби?! Просто урод жуткий!

– А че с ним делать? Он, ваще, живой, ты проверил?

– Не, мне противно.

– Гы, противно! – ощерился Пашка.

– Ща как врежу! Опаньки! – свирепое выражение на рыле... ой, на лице, конечно же, на лице джентльмена с кличкой Кабан сменилось тревожным. – Глянь, а его, кажись, ищут!

– Где?! Кто?! – Пашка лихорадочно огляделся по сторонам и заметил приближавшиеся из-за угла улицы огни двух фонарей. – Точно! Че делать-то? Мочить его, че ли?!

– Ты оборзел совсем – мочить?! Грузим его в машину – и деру! Потом закопаем где-нибудь!

– Точно!

И приятели, ухватив скрюченное тело за руки и за ноги, быстренько доволокли его до джипа, закинули в багажник, в темпе загрузились в салон и, сопровождаемые визгом покрышек, стартовали с места происшествия.

Так что выскочившие из-за угла преследователи увидели лишь удалявшиеся габаритные огни неизвестного автомобиля.

Глава 6

– Блин, вот ведь засада! – проворчал Кабан, открывая бардачок. – Слышь, Паштет, у тебя косячок, случайно, не завалился нигде?

– Ты че, совсем того? – удивленно поднял брови сидевший за рулем джентльмен. – Кто же в машине дурь держит? А если менты остановят и шмонать примутся?

– Ай, сотка баксов – и менты под козырек возьмут!

– Ниче се! У тебя че, баксов пара тыщ за пазухой?

– Не, откуда?

– Дак ты че, моими деньгами решил гаишников подмазать? Тебе, значит, курнуть надо, а мне – баксы им отстегивать? Фигассе раскладец!

– Ну, хотя бы обычное курице есть? Уши пухнут!

– А свои где?

– Да кончились они! А меня че-то трясет, вон, глянь, – и толстяк показал приятелю дрожавшие руки.

– Кабан, а ты у нас, оказывается, «нервный», – гыгыкнул Пашка, – прям барышня!

– Ща как врежу между глаз, сразу поймешь, кто тут барышня! – огрызнулся Кабан. – Ты лучше закури дай, а не вы...!

– Не могу.

– Че, жалко?

– Жалко – у пчелки! А мои сигареты в заднем кармане, забыл я пачку выложить. Ты же не хочешь по моей заднице шарить?

– Пошел ты!

– Во, и я не хочу, чтоб ты шарил, я ж не пидор. Так что потерпи, скоро заправка будет, там и купишь себе курица! А я ваще не понимаю, че ты так дергаешься? Ну, сбили мы мужика, ну и че? Нас никто не видел, его дружки притопали слишком поздно, так что все будет чики-пуки! После заправки и прикопаем его, у дороги старый карьер есть, ну, помнишь, где хозяин в позапрошлом году глину для кирпичей добывал.

– Точно! Там и земля мягкая, и никто туда не ходит! Черт!.. – фальцетом вдруг вскрикнул Кабан, резко подпрыгнув на сиденье, от чего джип закачало, как на океанской волне.

– Ты оборзел?! – заорал его приятель, с трудом выровняв вильнувший в сторону автомобиль. – Ты че прыгаешь, как блоха? Ты ж Кабан, а не блоха, ты мне щас всю машину разнесешь своими прыжками!

– А ты че, не слышал?

– Ниче я, кроме твоего визга, не слышал!

– Дак этот же, зомби наш, кажись, живой! Стонет!

– Врешь!

– Глухой пень! Ты прислушайся! О – опять!

– Пить надо меньше, – хмыкнул Пашка, но все же убрал громкость радио «Шансон» до минимума. И удивленно присвистнул: – А и правда, стонет! Ну у тебя и слух, Кабан! Прям не уши – локаторы!

– И че теперь с ним делать?

– Да ниче – добьем, да и все. Он все равно не жилец, ты ж его видел.

– А может, хозяину отвезем?

– Зачем?!

– Дак ведь на заводе его рабы, как только похолодало,дохнуть стали, как мухи! Мы облавы все чаще устраиваем, но к осени и новых гастеров в Москве меньше стало, и бомжи прячутся. Так что рабочие руки хозяину нужны, он еще и денежку нам даст.

– Сам знаешь, что он нам даст, а не денежку! «Рабочие руки!» – передразнил Пашка толстяка. – Ты те руки видел? У него же крюки, а не руки! Он инвалид конченный, какой из него работник! Да еще и от «поцелуя» с моим джипом небось кости у него переломаны. Ты че, думаешь, хозяин ему гипс наложит и будет бульоном с ложечки поить?

– Хорош те, Пашка! – разозлился Кабан. – Ты у нас, значит, умный, а я – дебил тупой, да? Сам подумай своими дурацкими мозгами – зачем добивать уroda сейчас? Привезем его на завод, а там он или сам сдохнет, или поработает хоть немного, а потом – все равно сдохнет. Даже его клешнями можно кирпичи перетаскивать! И ваще, он, похоже, пока подышать не собирается, слышь – мычит че-то! Может, глянem?

– Да ну его, неохота мне на его рожу кривую лишний раз смотреть! Ладно, уговорил – везем его к хозяину. Может, действительно что-то нам и обломится.

И радио «Шансон» вновь загорланило «реальную пацанскую песню», вызывая тем самым приступы тошноты у лежавшего в багажнике человека.

Тошнота, мучительная, позорная, была единственным фактором, пробившимся сквозь мутный туман дикой боли, затопившей его сознание.

Тошнота и была первой «гостьей», поприветствовавшей его вернувшееся все же сознание. А потом его вновь заволок мутный туман. И маячившая где-то на периферии дополнительная боль в плече и голове показалась жертве всего лишь досадным недоразумением.

А еще вернувшийся кошмар почти полностью выжег из его памяти все то, что произошло с ним после первого возвращения в страшную реальность неизвестности. Память, похоже, окончательно превратилась в старинную такую дырчатую сетку, кажется, она авоськой называлась.

Тупизм какой – авоську он вспомнил, а все важное, нужное, жизненно необходимое – забыл! Хотя... вроде бы он уже «возвращался» – вот так, лежа в багажнике ехавшего в неизвестность автомобиля. Или нет?

«Не знаю... не помню... мне страшно...»

Где я?!!»

На этот раз отклика не последовало. Разум, сила воли, инстинкт самосохранения – весь «триумvirат» помощников валялся в отключке, нокаутированный ударом вернувшейся боли.

Он открыл глаза, осмотрелся и в ужасе заорал – было очень темно, тесно, его словно в гробу заперли!

А руки и ноги – не слушаются! И все болит!

– Помогите!..»

Но вместо крика и слов у жертвы получились лишь стоны и мычанье.

Оказалось, что лицевые мышцы, губы, язык тоже больше не подчиняются «рубке управления»...

И топкая трясина безумия довольно булькнула – мол, добро пожаловать, родной!..»

Джип подъехал к одной из колонок заправочной станции, Пашка заглушил мотор и повернулся к приятелю:

– Так, я за бензин заплачу и сигареты куплю, а ты угомони пока нашего «покойничка», а то развоевался он там! Ишь – дергается, мычит и помирать явно не собирается. Так что, Кабан, мы правильно сделали, что не грохнули его, – кирпичи он таскать сможет.

– Мы сделали! – фыркнул толстяк, вываливаясь из салона и разминая затекшие мышцы. – Ты на меня наехал не по-детски, когда я про это базар завел!

– Ладно, проехали, не кипешуй, – Пашка отвинтил крышку бензобака и вставил туда пистолет колонки. – Иди лучше, дай пару...лей этому уроду, пусть заткнется! А то еще услышит кто его мычанье! Только не добей его.

– Я тихонечко, – хрюкнул Кабан и, обогнув джип, открыл дверцу багажника. – ..., ну ты и урод! Как ты ваще по земле ходишь? Ты ж, ..., на четвереньках бегать должен! ..., а кровищи сколько! Ну вот че ты дергался, а? Какого ... ты тут рыпался? Весь багажник уделал, ...!

Скрюченный, перекошенный человек посмотрел на здоровяка совершенно обезумевшим взглядом и, оскалившись, рванулся было навстречу, мыча что-то невразумительное.

Но рывок был легко остановлен ленивым движением мощного кулака, даже не кулака – раскрытой ладони, полностью залепившей изуродованное судорогой лицо бедняги и небрежно толкнувшей его на место:

– Н-на, – брезгливо скривил губы Кабан, – получи, урод! И смирно лежи, не дергайся, а то добьем! Ты все равно сдохнешь, а вот раньше или поживешь еще – зависит от тебя.

И он отвесил калеке еще пару оплеух – легонько так, вполсилы, только кровь уроду из носа пустил.

Но тот все понял, мычать и дергаться перестал и забился в самый дальний угол, почти под задние сиденья, посверкивая оттуда на кабана переполненными страхом и болью глазами.

– Вот так и сиди, пока не приедем! – рявкнул толстяк. – Понял?

Не дождавшись никакой реакции, он ткнул кулаком в сведенное судорогой плечо и процедил сквозь зубы:

– Понял, я спрашиваю? Чего молчишь, урод? Отвечай!

Человек попробовал что-то сказать, но прозвучало лишь невнятное мычание.

– Ты че, немой, че ли?

Мычание и короткий кивок.

– Во урод, а? Еще и немой! Ну, хоть неглухой, команды услышишь. Все, тихо сиди!

И толстяк захлопнул крышку багажника.

Глава 7

Страх. Боль. Это все, кто остался «в строю». Больше он ничего не чувствовал, только страх и боль. Эта «парочка» прочно заняла позиции лидеров, лишь иногда устраивая небольшую склоку за первое место. Поначалу они еще опасались возвращения «конкурентов», способных сместить их с трона, но со временем они успокоились и наслаждались властью по полной, глумясь над хозяином.

А что такого, ведь этот скрюченный человечешко напоминает вылепленного криворуким гончаром голема – создание из глины и песка?

Ну, как кирпичи, которые он механически, монотонно, изо дня в день таскал с конвейера и складывал на поддоны. «Братишка», короче.

Сколько дней он провел в этой дыре – он не знал. Потому что фиксировать моменты смены темноты и света и отсчитывать, сколько раз это произошло, он не мог. Нечем было это делать. Страх и боль прочно закатали «триумвират» прежних его помощников в асфальт и, усевшись над могилой врагов, лениво курили бамбук.

Странно, что он вообще выжил. Ведь ему было абсолютно все равно, что с ним станет. Больше никто и ничто не держали его в этой жизни. Он никого не слышал, ничего не чувствовал, кроме своих мучений – ничего не ощущал.

Он даже смерти себе пожелать был не в силах.

Может, именно это его и спасло? Ведь наши мысли и желания формируют нашу реальность, и, захоти он умереть, тело услышало бы его и включило бы режим самоуничтожения.

Но никаких приказов из «рубки управления» не поступало, и включился автопилот.

Молодое, сильное, тренированное тело совсем еще недавно абсолютно здорового мужчины не хотело исчезнуть, сгнить заживо. И даже сведенные вечной судорогой мышцы не смогли полностью подчинить себе организм человека.

Он, организм, сумел адаптироваться, он научился как-то функционировать, поставил хозяина на ноги, возвратил ему способность передвигаться, обслуживать себя, заправлять тело пусть скудным, но – питанием, и даже работать.

Потому что иначе хозяина организма пристрелили бы и закопали неподалеку от кирпичного завода, в яме, где уже лежали не менее десятка трупов.

Хозяин организма и так едва избежал этой участи, сразу же после доставки его в это проклятое место.

Когда Кабан и Пашка вытащили из багажника дергавшегося и отчаянно мычавшего калеку, посмотреть на уродца собрались почти все охранники, а из трейлера, где располагалось мобильное заводоуправление, вышел главный босс, хозяин этого и еще нескольких похожих заводиков, Сергей Петрович Кособуцкий.

Получивший во время первой ходки по малолетке весьма неожиданную и оригинальную кличку.

Ни за что не догадаетесь!

Косой.

Но сейчас его так почти никто уже не называл, разве только приятели из прошлого, да и то лишь те, кто стал Кособуцкому равным по статусу.

Для всех остальных он был Сергеем Петровичем. И точка.

А синеву наколок на теле скрыла дорогая одежда. Правда, особым вкусом и чувством стиля господин Кособуцкий не отличался, для него было главным, чтобы все «богато» выглядело.

И потому даже на выезды «в поле», то есть на свои заводы, Сергей Петрович надевал остроносые туфли из кожи питона, джинсы от Армани, с трудом сходящиеся под его разбух-

шим «комком нервов», рубаху безумной расцветки «привет с Гавайев» и кожаную куртку с черепом на спине.

А еще крест он носил на груди, здоровенный, почти как у Стаса Михайлова.

Песни которого, кстати, Косой... ох, простите – Сергей Петрович, конечно же, – очень уважал. Душевно ведь поет мужик, аж на слезу пробивает после третьего стакана водочки да рядом с сисястой телочкой.

Сергей Петрович даже бородку отрастил а-ля Стас Михайлов и крест на пуп повесил. А че, солидно, богато, он ведь, крест, брюликами щедро унизан.

В общем, этот упитанный павлин вышел ленивой походкой из трейлера, услышав шум и крики за окном.

– Что тут у вас?.. Что это?! – Сергей Петрович совсем несолидно, словно пацан желторотый, отпрыгнул от рванувшегося на него жуткого уroda.

И из-за своего конфуза мгновенно расцветил. Лицо его побагровело, и без того маленькие глазки сузились, тяжеленный взгляд медленно поплыл по лицам подчиненных.

– Кто притащил сюда это страшилище? – заорал он.

– М-мы, – икнул Пашка, предоставив Кабану в одиночку управляться с оборзевшим «клиентом» – уродом.

– Зачем?!

– Дак, это... а че, пусть работает!

– Где вы его нашли?! Из цирка уродов сперли?!

– Не, мы его ночью в какой-то деревне сбили, он прямо под колеса кинулся! Не видно ж ни ..., фонарей там нет, и тут – вот это!

– Ну и оставили бы его там, какого лешего сюда-то притащили?

– А это все Кабан, это его идея! – трусливо поджал хвост Пашка, мгновенно переведя стрелки на приятеля. – Я хотел его добить и закопать в старом карьере...

– Мне плевать, чего ты хотел! – прошипел господин Кособуцкий, с отвращением глядя на завывавшего уroda. – Я спрашиваю, зачем вы его вообще подобрали?!

– Так искали его! Если бы он один был, мы бы его там и бросили, но местные с фонарями вдруг появились! Ну, мы и решили забрать его и закопать. Пусть догоняльщики думают потом, че с их уродом стало! Пропал – и пропал! А по дороге он очнулся. Бузить начал, дергаться, ну, вот Кабан и решил, что он может пригодиться, на конвейере ведь работать некому!

– Вот этот калека?! – визгливо заорал Сергей Петрович. – Работать?! Да он вообще стоять вряд ли мог до того, как вы на него наехали, а теперь вон, кровищи сколько, у него стопудово что-то еще покалечилось, и голова явно проломлена! Зачем его сюда было тащить, кровью машину пачкать?! Дебилы! Урою всех!

Для целевых вразумительных бесед с подчиненными у господина Кособуцкого имелась резиновая палочка из арсенала вооружения полиции. Удобная такая вещь, знаете ли! И руки о чужие хари не поранишь, и стресс снять помогает.

И Сергей Петрович минут пять снимал стресс, «надевшийся» на его нервную систему даже не фактором появления окровавленного уroda, а из-за его, господина Кособуцкого, позорной реакцией на это чмо.

Досталось и Кабану, и Пашке и, собственно, уроду. Но уроду – меньше, потому что, как только его перестали держать, калека рухнул на землю, а охаживать «вразумлятором» лежащего человека не очень удобно. Его ногами пинать гораздо удобнее, но жалко ведь пачкать туфли из кожи питона в чужой кровище.

Поэтому большая часть предсказанных Пашкой «трындюлей» досталась самому предсказателю и его излишне инициативному приятелю – Кабану.

К счастью для мальчишек, босс, отнюдь не злоупотреблявший занятиями в тренажерном зале и утренними пробежками, быстро выдохся. И успокоился заодно.

Усталым жестом стерев со лба трудовой пот, Сергей Петрович пропыхтел:

– Ладно, проехали. Но чтоб вы больше всякое дерьмо сюда не тащили!

– А с этим делать че? – хлопнул кровавой соплей Кабан. – Добить?

– С этим? – господин Кособуцкий пару раз ткнул палкой в свернувшегося улиткой калеку. – Ну да, в расход его, на хрен он тут нужен!

– Шас, я быстро, – толстяк хотел побыстрее реабилитироваться в глазах босса и, вырвав у стоявшего рядом охранника автомат, направил ствол на типа, ставшего причиной внеочередной порции «трындюлей».

– Дебил, ну не здесь же! – раздраженно гаркнул босс, шарахнув палкой по предплечью не в меру ретивого толстяка. – Оттащи его за территорию и там добей!

– Ага, понял, – закивал Кабан. – Пашка, подсоби!

Вдвоем они подняли переставшего дергаться уroda и потащили его к воротам.

Калека безучастно висел на руках палачей, словно тряпичный мешок. Но когда его поволокли мимо принадлежавшего господину Кособуцкому «Мерседеса» с тонированными стеклами, несчастный вдруг заметил в зеркальной поверхности свое отражение...

И, дико взыв, стяхнул с себя двух здоровяков, словно пушинки, приблизил лицо вплотную к стеклу, всмотрелся – и завыл еще громче, еще безнадежнее, а потом рванул к воротам странной, ковыляющей походкой.

Но довольно шустро рванул, так что его поймали только за территорией завода.

И Сергей Петрович, убедившись, что калека действительно вполне может оказаться полезным, решил не добивать его, а отправить в землянку-барак, к прочим рабам.

Пусть поработает – сдохнуть-то он всегда успеет.

Глава 8

Его и отволокли. И бросили на первую же попавшуюся лежанку.

Ну как лежанку – рваный, кишаший насекомыми тюфяк на общих полатях. Если так можно назвать дощатый помост, протянувшийся от одной стены землянки до другой. Края досок были вкопаны в стены, а подпорками служили бракованные кирпичи.

Поскольку все рабы на момент появления нового постояльца отеля «Ад» были заняты «любимым делом» – изнурительным трудом, – окровавленного уродца швырнули на первый же попавшийся тюфяк. Охранники понятия не имели, кто из дохляг где лежит – еще чего не хватало! Они и не пересчитывали возвращавшихся с работы пленников – зачем? Бежать им некуда, колючая проволока, проходящая по периметру «зоны», не позволит им такого. Да и периметр охраняется не в пример серьезнее, чем цеха заводика, там даже сигналка натянута. Вмиг территория осветится и сирена взвояет, если какой-нибудь придурок решится на побег.

Весной, когда завод только начал работать, такие придурки еще имелись, а как же! Но после того как выловленные в течение десяти минут беглецы были забиты до смерти, желающих повторить их попытку больше не было.

И к осени, к моменту закрытия завода, охрана окончательно расслабилась. Даже периметр они уже не обходили по ночам, положившись на сигнализацию. Зачем мотаться по территории в такую холодрыгу, да еще и под дождем, да еще и ночью, когда можно спокойно поспать в теплом вагончике?

Или в картишки перекинуться. Или журналчики порнографические, до дыр затертые, в сотый раз полистать, сопя от вождления. Или потрепаться «за жизнь». Или телик посмотреть, но с этим было хуже – антенна маленького переносного телевизора едва справлялась с поиском передающих волн, глушь тут все-таки. Если удавалось поймать обрывок какой-либо программы – охранники сбегались со всей территории, оставив дежурить лишь страдальцев у ворот.

А больше, собственно, и делать-то было нечего. Так что появление безобразного чмошника, который еще и так прикольно «истерил» при виде зеркала, стало хоть каким-то, а развлечением все же.

Поэтому Кабан и Пашка, доставившие уродца в землянку, быстренько сбегали в вагончик, сняли со стены небольшое зеркало, висевшее над умывальником, и от души «развлеклись», показывая обезумевшему от страха бедняге его отражение.

К ним присоединились почти все охранники, и веселая карусель продолжалась до тех пор, пока босс не заинтересовался – а почему это, собственно говоря, территория опустела? Где все?

Искать всех ему долго не пришлось: дружный гогот и дикий вой услужливо указали господину Кособуцкому, где в данный момент обретается его менеджеры по персоналу. И чем они заняты.

В общем, «вразумлятор» в этот день потрудился на славу – вторично. «Благословил» не только Кабана и Пашку, но и всех остальных менеджеров.

А в процессе обучающего тренинга босс весьма доходчиво, на понятном коллегам языке, объяснил им, что нового работника по пустякам отвлекать не стоит и что этого дурика оставили в живых вовсе не ради развлечения вышеозначенных менеджеров, а ради добросовестного труда на благо босса.

И ежели босс еще хотя бы раз заметит зеркало возле морды чучела, босс будет очень недоволен!

Вот как-то так, если резюмировать.

В общем, калеку оставили в покое. Ну как, в покое – в ужасе, если честно. В ужасе и на грани безумия.

И вернувшихся со смены рабов ждал более чем неприятный сюрприз – мало того, что тюфяк одного из них занял какой-то жуткий урод, так ведь и согнать оттуда этого уroda было невозможно. Он жутко скалился и, по-звериному сверкая глазами, рычал что-то непонятное. Нечеловеческое нечто.

К тому же тюфяк, и без того не отличавшийся стерильной чистотой, теперь был еще и выпачкан кровью.

В общем, прежний хозяин лежбища, ворча и матерясь, перебрался на место не так давно умершего от воспаления легких раба, а вновь прибывшее страшилище оставили в покое. Не просто в покое – ложиться рядом с ним никто не пожелал, благо мест в землянке к концу рабочего сезона стало гораздо больше, и рабы больше не напоминали шпроты, уложенные в банку.

Так что вокруг урода образовался своеобразный вакуум. И физический, и ментальный. Общаться с ним тоже никто не хотел.

Вернее, не мог – урод был еще и психически нездоров. Он не реагировал на обращенную к нему речь, только скалился и что-то мычал. Но оказался неожиданно сильным, во всяком случае, попробовавшие поиздеваться над ним сокамерники мгновенно залились кровавыми соплями, а один отскочил с диким визгом, прижимая к черепу надкушенное ухо.

Но со временем к нему привыкли, и ни его внешний вид, ни глухое мычание больше не вызывали ни у кого никаких эмоций, ни отрицательных, ни положительных.

Тем более что Немтырь (так его все прозвали с подачи Кабана) никаких проблем не доставлял ни охране, ни другим рабам. Если его не цеплять – вполне нормальный тип. Работает от звонка до звонка, причем неплохо работает, почти с самого первого дня. Переломов, как оказалось, у него не было, всего лишь сильные ушибы. Обильно кровоточившая рана на голове была неглубокой, так, сорвало часть кожи с черепушки.

Так что через пару дней, отлежавшись, урод странной, дергающейся походкой, больше всего напоминавшей передвижения краба, доковылял до конвейера и занялся укладкой готовых кирпичей в поддоны.

Первое время было ему, конечно, очень тяжело – скрюченные руки подчинялись плохо, и он ронял кирпичи. За что получал поначалу палкой по ребрам, но это оказалось малоэффективным.

Тогда надзиратели решили тайком от босса вновь задействовать зеркало.

Вот это помогло. Это вообще оказалось единственным средством, способным угомонить урода либо заставить его что-то делать.

А еще – время от времени таким образом он развлекал охрану и надзирателей, когда босс не появлялся на территории завода.

Вот как сегодня, к примеру.

Когда очередные мучители ушли – он не различал их, все они были для него на одно лицо, – он еще какое-то время лежал на полу, судорожно пытаясь вынырнуть, всплыть на поверхность из пучины дикого ужаса. Он не знал, почему эти серебристые штуки вгоняют его в такое состояние, ведь он даже толком разглядеть не мог, что там отражается. Просто достаточно было одного лишь взгляда, чтобы его мгновенно затягивало в смерч, в цунами, в ядовитые волны животного страха.

Но вот наконец его обезумевшее сердце немного успокоилось, ужас почти исчез, оставив на «поле боя» только боль. Привычную, постепенно притупившуюся. А еще обнаружилось, что он почти закоченел от холода.

Если бы его сознание было хоть чуточку более светлым, нормальным, если бы он мог соображать или хотя бы чего-то желать, он бы остался лежать на земляном полу. И примерно через час уже не поднялся бы – никогда.

Но тело по-прежнему не хотело сдаваться. Оно хотело жить: есть, пить, спать, справлять нужду – функционировать, в общем. Как и любой живой организм, да хоть как инфузория-туфелька.

И поэтому человек сначала пошевелился, а потом медленно, с трудом, поднялся на ноги, хотя ему гораздо удобнее было бы передвигаться на четвереньках. И менее болезненно, это было бы кстати.

Но этого он себе позволить не мог. Почему – он не знал. Не мог – и все.

Тело его все сильнее сотрясала крупная дрожь. Он попробовал вернуться к конвейеру – работа должна была согреть его. Но оказалось, что и без того плохо слушавшиеся руки совсем ооченели. А подмокшая от падения на сырую землю одежда остужала тело все сильнее.

Надо хотя бы переодеться. А еще лучше – переодеться и выпить горячего чаю.

Он осмотрелся по сторонам. Уже давно стемнело, на территории зажглось скудное освещение: несколько лампочек-временок, работавших от дизельного генератора.

Значит, скоро конец работы и ужин. И чай. Горячий.

Но ждать он не может. Вернее, его тело, жадное до жизни тело, не могло ждать, коченея все больше. В легких уже началась подозрительная возня, еще немного – и начнется воспаление.

Надо переодеться, срочно!

Во что? А на днях кто-то из других рабов умер, и его одежду оставили в землянке (мертвецов здесь закапывали голышом). Желаящих поменять свое гнилое тряпье на чужое не нашлось, и смердевшие штаны и телогрейка так и валялись на осиротевшем тюфяке.

Но ему сейчас было все равно, чем пахнет и как выглядит одежда мертвеца, главное – она сухая.

И он заковылял к землянке, не дожидаясь сигнала об окончании работы. Чего никогда раньше не делал – он обычно уходил вместе с остальными. И шел в толпе, не обращая внимания на то, куда идет.

Куда его ведут, туда он и идет.

Поэтому, наверное, он и заблудился сейчас, приковыляв не к землянке, а к вагончику охранников.

И заметил это, только когда вместо привычной земляной стены вдруг увидел деревянную. А еще он услышал странный звук – словно кто-то тараторил, вздохнул, громко и оживленно.

Как никогда не разговаривали местные охранники.

Он испугался. Испугался наказания за самовольный уход, наказания в виде зеркала. И неуклюже повернулся, стремясь как можно быстрее уйти отсюда, скрыться.

Но внезапно в оживленной болтовне, доносившейся из вагончика охраны, прозвучало имя. Вернее, имена.

Милана Красич и Кирилл Витке.

Глава 9

Он замер, не зная – отчего? Ведь надо как можно быстрее уйти отсюда прочь, пока снова перед его глазами не замаячила жуткая блестящая штука!

И он попытался закончить свое неуклюжее движение, но...

У него ничего не получилось! Руки, ноги – тело опять не подчинялись ему! Но не так, как раньше, нет. Конечности не просто отказали, они действовали абсолютно автономно!словно какой-то кукловод привязал к ним ниточки и превратил его в послушную марионетку.

Буквально швырнув его к окошку вагончика. И заставил жадно смотреть и слушать.

Смотреть на маленький мигавший экранчик. Изображение было мало того, что нечетким, так еще и помехи периодически прерывали показ, там глумливо кривлялись разнообразнейшие загогулины. Но в целом происходящее на экране разглядеть было не очень трудно.

И расслышать тоже, потому что набившиеся в вагончик охранники врубил звук на полную катушку.

Он понятия не имел, как называется эта штука, которая показывала эти живые картинки. Но совсем не удивился и не испугался – ничуть. Наверное, он уже видел нечто подобное... когда-то.

Вертлявый напомаженный человечек, суетливо бегавший в кадре на маленьком экране, тараторил слишком быстро, и калека не успевал до конца усвоить, о чем идет речь. Но и уйти, убежать, пока его не заметили, он не мог.

Кукловод не пускал его, заставляя смотреть и слушать...

А ведущий популярного ток-шоу продолжал захлеб рассказывать:

– ...больше месяца. Это чудовищное преступление потрясло тогда всю Россию! Да, мы привыкли уже к так называемым преступлениям на бытовой почве, к тому, что матери убивают своих новорожденных детей, отчимы насилуют падчериц, а убийствам по пьяному делу вообще несть числа! Но то, что произошло недавно в одной из подмосковных деревень, до сих пор у большинства нормальных людей не укладывается в головах! Для тех, кто по какой-либо причине не в курсе, мы вкратце напомним о том кошмаре...

Картинка на экране сменилась на довольно-таки ухоженный дворик перед симпатичным домом. Затем – перевернутую буквально вверх дном спальню, потом – большой свинарник, где похрюкивали штук двадцать здоровенных откормленных свиней, каких-то людей...

А за кадром звучал глубокий, переполненный сдержанным гневом мужской голос (нет, уже не «бисер», не говорок ведущего, а другой, профессионально поставленный):

– Они считались лучшими подругами – Милана Красич и Елена Осенева. Ведь им нечего было делить, и причин для взаимной зависти тоже не имелось: обе – красавицы, обе умницы, состоятельные, успешные. Правда, у одной из них, Миланы, еще и муж имелся. Пусть гражданский, но они жили вместе уже несколько лет. Невероятно красивая была пара – Милана Красич и Кирилл Витке...

На весь экран засветились счастливые улыбки действительно красивых мужчины и женщины.

Он – высокий, статный, с гибким тренированным телом, с аристократическими чертами лица; в глазах цвета горького шоколада, устремленных на спутницу, – океан любви и нежности.

Она – изящная, похожая на кошечку шатенка, с очень сексапильной фигуркой; большие глаза оливкового цвета, пушистые длинные ресницы, тонкие брови, красивый рисунок чувственного рта, роскошные вьющиеся волосы.

– Ох, и хороша, сучка! – хрипло выдохнул кто-то из охранников. – Я бы ей вдул! Так вдул, что она своего красавчика мигом забыла бы!

– Вдул бы он! – гыгыкнул другой. – Да тут очередь вдуть выстроится! Токо она тебе не даст!

– А че, мужика ейного подружка-то укантропушила, она теперь – свободная сучонка, небось истомилась уже!

– Это без твоего, че ли, «хозяйства»? Не смейся! У тя там – пипетка глазная!

– Чего-о-о-о?! Да я тя щас как...

– А ну, заткнулись, идиоты! – рявкнул самый огромный «товарищ» из группы бравых секьюрити. – А то щас под дождь обоих выкину! Телик и так пашет раз в неделю, и не всегда чего нормальное увидеть можно, а тут хоть интересно! Ишь, че бабы холеные такие вытворяют! Куда там до них нашим манькам и людкам!

– А чего он...

– Цыц!

Бузотеры угомонились. Прижавшегося лицом к стеклу человека трясло все сильнее. И это была уже не дрожь от озноба.

Он чувствовал, как откуда-то из самых глубин его сути, из-под плотных слоев монолитного «небытия», начинает с надсадным хрипом прорываться...

Кто или что – он не знал. Но этот подъем, прорыв этот, был поистине катастрофическим. Катастрофическим для него – нынешнего.

Потому что уже сейчас, в самом начале этого прорыва, он едва удерживался на месте, не позволяя себе сию же минуту ворваться в душный, переполненный возбужденными самцами вагончик, и рвать их зубами, душить, ломать им руки и ноги – уничтожать их всех.

Уничтожать за то, что они посмели похабно отозваться о НЕЙ!

Об этой девушке, которая... которая...

Катастрофа приближалась: в висках заломило с такой силой, что он едва не разбил лбом стекло, содрогнувшись от приступа дикой боли.

К счастью, оравший телевизор легко заглушил легкий звон, донесшийся со стороны окна. Да и действие на экране уже достигло кульминации:

– ...ей все же удалось добиться своего! Никто уже не скажет нам, как все это произошло – Кирилл Витке мертв, а Елена Осенева, получившая за убийство с особой жестокостью двенадцать лет строгого режима, так и не призналась в содеянном. Она продолжала упрямо твердить, что ее подставили, что она никогда не состояла в любовной связи с мужем подруги, что она любит другого мужчину. Как же, не состояла! А фотография, на которой они с Кириллом, обнаженные, лежат в постели? Елена заявила, что это – постановочное фото, что она была без сознания, когда неведомые злодеи уложили ее в одну постель с любовником! Это оправдание настолько нелепо, что даже... смешно! Были они любовниками, были. Вот только Кирилл, видимо, тяготился этой связью, он продолжал любить свою жену. И вскоре решил порвать с надоедливой любовницей. Чего обезумевшая от страсти Осенева ему не простила. Она подсыпала своему любовнику в пищу медленно действующий яд, который «сработал» лишь через несколько часов после того, как Елена рассталась с Кириллом Витке. А когда Кириллу стало плохо во время деловой встречи с профессором Шустовым, вместо вызванной профессором настоящей кареты «Скорой помощи» приехала совсем другая тишина. В итоге несчастный оказался в загородном доме своей любовницы, где и скончался. Зачем Осенева приволокла Кирилла туда? А чтобы избавиться от трупа! Кирилл Витке должен был исчезнуть бесследно и навсегда! И поэтому его тело красотка безжалостно подбросила в кормушку для свиней, в дом своего соседа-фермера. Известно ведь, что милые хрюшки вполне способны сожрать человеческую плоть вместе с костями...

– Ох и сука! – загнусавил один из охранников. – А ведь ни за что не скажешь, вон, какая цыпа!

– Че, и ей вдуть хочешь?

– Не, этой – нет, – буркнул «озабоченный» под дружный регот коллег. – Еще откусит мои причиндалы и свиньям бросит! Паучиха просто! Как эта, как ее... о, как «черная вдова»!

Но девушка, смотревшая на зрителей с фотографии, меньше всего напоминала паучиху или монстра. Если верно выражение, что глаза – зеркало души, душа этой девушки никак не могла принадлежать жестокому чудовищу.

В больших, чуть раскосых глазах редкого оттенка молодой листвы светились ум, ирония, верность, преданность, доброта. Да и весь облик этой коротко стриженной стильной брюнетки вызывал мгновенную симпатию, а вовсе не опасения и тревогу.

Прильнувший к стеклу человек мучительно всматривался в лицо на экране, ощущая, что он видел эту девушку, причем совсем недавно! Но раздиравшая его изнутри боль мешала сосредоточиться, он вообще с большим трудом улавливал происходящее на экране.

А действие вновь переместилось в студию, и вертлявый типчик возбужденно затараторил:

– Вот так все и было. Елена Осенева осуждена и отбыла к месту отбытия срока, но ее подельники, активно помогавшие ей в расправе над несчастным Кириллом Витке, еще на свободе. Они успели скрыться до того, как ими заинтересовалось следствие. Вот, кстати, их лица, – на экране появились две фотографии: мужчины лет сорока с умным волевым лицом и парня помладше, лет двадцати семи, чьи глаза тоже не могли принадлежать бандиту – слишком спокойный и открытый был у него взгляд. – Это Матвей Кравцов, бывший начальник службы безопасности строительного холдинга Мирослава Красича, и его заместитель, Владимир Свидригайло. Если вы, дорогие телезрители, встретите этих людей, – не подавайте виду, что узнали их, они *чрезвычайно опасны!* Лучше сразу звоните в полицию! А теперь вернемся к основной теме нашего ток-шоу – жизнь после смерти: смерти любимого человека, смерти веры в дружбу, смерти всех надежд. Мы пригласили в студию Милану Красич и тех людей, которые поддерживали эту так много пережившую девушку в течение всех долгих дней бесконечного кошмара. Они постоянно находились рядом с ней! Итак, встречайте: Милана Красич и ее друзья – Сергей Тарский и профессор Петр Никодимович Шустов!

И в студию вошли трое. ОНА – и...

От всего увиденного личность того, кто прорывался на волю, не обращая внимания на дикую боль и все более жестокие атаки липкой бездны, не желавшей отпустить лакомую добычу, последним усилием воли, которую захрипевший от ярости копил все эти мучительно долгие дни небытия, устремился к поверхности реальности...

Глава 10

Он больше не в состоянии был терпеть. Да и как можно терпеть, когда твой череп буквально разлетается на куски, взрывается изнутри?!

Или... снаружи?

Потому что за долю секунды до того, как потерять сознание, он отчетливо увидел, как в малую частичку, оставшуюся от содержимого его головы, от его сознания влетел странный мерцающий огонек.

А потом – все погасло. Исчезло. В том числе и огонек.

Наверное...

И он, неуклюже взмахнув руками, грузно рухнул на землю. И посыпались осколки стекла из разбитого взмахом его руки окна.

Это уже никак не могло остаться незамеченным: дверь вагончика распахнулась, и в прямоугольнике электрического света проявился весьма недовольный господин. Очень крупный господин, самый толстый и высокий из всех, собравшихся в вагончике.

Отзывавшийся на кликуху Кабан.

Он всмотрелся в груды тряпья, лежавшую под разбитым окном, и удивленно присвистнул:

– Ни ... себе! Пацаны, гляньте, кто с нами телик смотрел!

– Кто? – по бокам главного фигуранта (потому что заглянуть через его плечо никто не сумел), как опята-мутанты вокруг кривого пня, «выросли» несколько особей из его коллег.

– А вон, под окном лежит.

«Опята» прищурились, вглядываясь в тряпичную кучу, и сообщили всей Вселенной, что они очень удивлены. И озадачены. А с некоторыми из них даже случился когнитивный диссонанс.

Потому что сей несчастный калека должен был сейчас находиться у конвейера и заниматься физическим трудом, столь благотворно влияющим на его психосоматическую реабилитацию, а не напрягать свой не слишком-то полноценный рассудок.

Он ведь ничего не соображает, милостивые государи, и для него просмотр телепрограмм должен быть столь же информативен, как и учебник по квантовой теории волн. Но вполне вероятно, коллеги, что его привлекли фотографии роскошных самок, и это животное возбудилось, отчего с ним случился конфуз: обморок, неудачное падение, досадное происшествие с разбитым окном. Пожалуй, стоит привести его в чувство с помощью оздоровительного массажа внутренних органов – в частности, почек и печени – путем внешнего воздействия на оные. Но – после просмотра весьма познавательной телепередачи. Нет, урод не скончается под ледяным дождем – не должен. Ну, а если сей печальный факт все же произойдет, что ж – значит, таков его фатум! Он и так продержался неожиданно долго.

На этом диспут был закончен, и собравшиеся охранники вернулись в вагончик, оставив калеку лежать под ледяной ноябрьской моросью – смесью из дождя и мокрого снега.

Холод. Это было первое ощущение, проникшее в его сознание снаружи. Мерзкий мокрый холод, от которого немели руки и ноги, но зато – словно околела и постоянная боль...

И это был самый лучший холод на свете – физический! По сравнению с ледяным вакуумом ментального небытия, в центр которого он был «вморожен» невозможно долго, время, этот холод, кусающий ТЕЛО, ЕГО тело, был просто прикосновением пушистой кошачьей лапки.

Он сумел! У него получилось! Он вернулся!! Он сделал это!!!

Последнее, что запомнил Кирилл Витке за миг стремительного падения в небытие, были ощущения нараставших боли и слабости. Ему стало плохо во время обеда с возможным партнером по бизнесу, Петром Никодимовичем Шустовым. Кажется, у него внезапно начались про-

блемы с лицом, случилось то, чего он боялся больше всего на свете, что стало его тщательно скрываемой от всех фобией.

Потому что красавчик Кирилл Витке уже однажды имел сомнительное удовольствие почти два года прожить в облике безобразного чудовища, когда его лицо больше напоминало кусок бесформенного, оплывшего на огне воска, чем человеческий облик. И все – стараниями одной свихнувшейся от неразделенной любви девицы, Манюни Скипиной, сестры криминального босса Бориски Скипина, промышлявшего изготовлением опасной для жизни и здоровья косметики и средств личной гигиены².

В ванной комнате Кирилла его привычные гели, шампуни, пена для бритья и лосьон после бритья подменили отравленными. И он превратился в жуткое чудовище, на которое невозможно было смотреть без дрожи отвращения.

Но именно в те дни он и встретил своего Олененка. Лану. Милану Мирославовну Красич, ставшую жертвой похотливой страсти Бориски Скипина.

И Лана не отвернулась от Витке, не скривилась гадливо при виде его уродливой маски, нет. Она полюбила Кирилла именно тогда, именно такого, каким он был³.

Но Кирилл не знал об этом. И почти год прожил в глухом лесу, скрываясь от всех и вся, имея в качестве единственного компаньона и друга здорового алабая – Тимку. Сына другого алабая – Хана, пса, принадлежавшего знахарю и травнику Тихону. Деду Тихону, как называли его все, кто его знал.

Именно он вместе с белым волхвом, старцем Никодимом, вытащил гнившего заживо Кирилла, вернул его с того света, остановив запущенный действием отравы процесс разложения. Но вернуть ему прежнюю внешность они не смогли.

Это сделал год спустя медицинский гений из Норвегии, экспериментальные методики которого не признавались официальной медициной ни одной из стран мира. И тогда гениальный ученый зафрахтовал корабль, постоянно находившийся в нейтральных водах. И за большие, нет – за огромные деньги – он творил чудеса. В том числе – и с внешностью людей.

Кирилл никогда бы не попал на тот корабль без посторонней помощи, и в первую очередь потому, что остался нищим – его старший брат Аристарх, женившийся на Мане, завладел их общим бизнесом. К тому же Кирилл, спрятавшись от людей в лесной чаще, понятия не имел о существовании этого гениального врача.

Но однажды он, отправившись вместе с Тимычем в очередной поход по окрестным лесам, спас от рук похитителей (впрочем, не только от рук – похитители оказались еще и извращенцами) маленького мальчика, Игоря, оказавшегося сыном известного олигарха – Владимира Семеновича Тарасова.

Кирилл тогда по-тихому исчез, отведя мальчика отцу. Награды и благодарности он не ждал – зачем ему это? У него все было – дом, друг, свобода. А в мир, к людям, он возвращаться не собирался.

Но Тарасов так не думал. Он разыскал-таки таинственного спасителя своего сына и отблагодарил его, вернув его к жизни – сделав практически прежним. Несколько мало заметных шрамов внешность Кирилла отнюдь не испортили, наоборот – придали ему особый шарм.

Проявившаяся во время балансирования личности Кирилла на краю гибели новая ментальная способность осталась при нем. Он мог теперь «слышать» чувства и эмоции людей на расстоянии. Нет, не мысли – только их страх, злобу, ненависть, хитрость, любовь, симпатию. И так далее – весь спектр человеческих страстей.

В общем, обмануть Кирилла Витке кому-либо теперь было невозможно.

Так, во всяком случае, он думал до тех пор, пока не пересекся с господином Шустовым.

² Читайте роман Анны Ольховской «Страшнее пистолета», издательство «Эксмо» (прим. ред.).

³ Читайте роман Анны Ольховской «Бизнес-леди и чудовище», издательство «Эксмо» (прим. ред.).

Кирилл очень удивился, едва вошел в зал ресторана, где его ждал будущий партнер по бизнесу: там, где сидел Петр Никодимович, в этом месте, не «читались» никакие чувства. И эмоции тоже.

Словно он был не человеком, а манекеном.

Инстинкт самосохранения Кирилла буквально взвыл, требуя – хозяин, немедленно развернись и беги прочь! Но ведь он – цивилизованный человек, а цивилизованные люди так себя не ведут. Надо подойти к Шустову и, извинившись, под благовидным предлогом отказаться от совместного обеда.

И Кирилл к нему подошел. И пожал протянутую ему руку...

И это стало началом его конца.

Судя по всему, господин Шустов каким-то образом узнал о скрытой фобии Кирилла Витке и нанес удар именно в это слабое место. Когда Кирилл во время обеда почувствовал первые признаки недомогания, сидевший напротив него профессор озабоченно посетовал насчет изменений в его внешности.

А самочувствие Кирилла ухудшалось со скоростью приближавшегося и совершенно равнодушного к людям цунами. Казалось, что его душу с кровью, с хрустом выдирают из тела, сжимая ее все сильнее, все беспощаднее.

Пока он не потерял сознания. И, как оказалось, душу – тоже.

Вернее, душа потерялась где-то вне тела, очутившись в ледяном вакууме небытия.

Это было страшно. Нет, не так – это было невозможно, нереально! Первое время Кириллу до истерики сильно хотелось проснуться и облегченно уткнуться носом в теплое плечо лежавшей рядом любимой женщины. Его Ланы, его Олененка.

Но проснуться ему не удалось. А истерика, накрывшая личность Кирилла мутной пеленой отчаяния, выматывала его душу, и она становилась все слабее и слабее.

До тех пор пока Кирилл не попытался использовать свои ментальные способности, находясь *вне тела*. Ведь на то они и ментальные, верно же?

И он попробовал отыскать Олененка. Хотя нет, он сначала «поискал» свое тело, но у него ничего не вышло – и без души оно почти не «фонило».

И тогда Кирилл все силы бросил на поиски Ланы.

И нашел ее. Пусть не сразу, но нашел.

Кирилл помнил, как скрутило всю его душу от приступа дикой боли. Да, душевная боль может быть – и чаще всего бывает! – гораздо сильнее физической.

Кирилл уже сталкивался с душевными муками, причем не раз. Но то, что он ощутил в момент соприкосновения с душой Ланы, едва не разорвало его сущность на части.

Потому что вместо яркого веселого огонька и привычного жизнелюбия он «увидел» слой тусклого пепла. Огромный толстый покров пепла, под которым, как легендарная Помпея, погибала в муках душа *его женщины*.

Милана Мирославовна Красич оказалась в ментальном рабстве у Петра Никодимовича Шустова. Стала она полностью подчиненной его воле, послушной марионеткой.

И это послужило тем стимулом, тем постоянным источником страданий, который заставил Кирилла любой ценой искать возможность вернуться к себе.

Потому что он должен был спасти своего Олененка от рабства! От жуткой участи, уготовленной для нее Шустовым.

Кто такой этот профессор, откуда он взялся, почему выбрал своими жертвами именно их с Ланой – этого Кирилл пока еще не знал. У него не было ни времени, ни сил на выяснение этих вопросов.

Вот вернется он – тогда и разберется со всем случившимся. И со всеми.

Глава 11

И теперь свою боль и страх за судьбу любимой женщины Кирилл объединил в единое целое и подпитал этот пульсирующий сгусток эмоций всем арсеналом ментальных сил, имевшихся у него в запасе.

Сказать, что ему было трудно, – значит ничего не сказать. Поскольку состояние, в котором он сейчас пребывал, абсолютно не поддавалось какой-либо идентификации. Да, он читал о методиках индийских йогов и буддийских монахов, способных отправлять свои души в путешествие – вне тела, без тела... А потом, в любой момент, когда душе надоест парить в просторах Вселенной, по ее закоулкам летать, возвращать ее обратно.

А еще Кирилл слышал о «развлечениях» бокоров – черных колдунов вуду, умевших забирать чужие души и запирали их в особые сосуды, создавая таким образом из оставшихся без души людей своих рабов – зомби.

Но то, что произошло с ним, было чем-то совсем другим. Его душу просто взяли и вырвали из тела, безжалостно зашвырнув... непонятно куда.

Вокруг не было никого и ничего. То есть вообще НИЧЕГО. Абсолютный ментальный вакуум, представить себе который, не побывав в нем, внутри этой пустоты, невозможно. Причем душа в этом вакууме зависла в полной неподвижности, словно вмерзла в лед. И если бы не его недавно обретенные способности, Кирилл никогда не вырвался бы из этого льда.

Но даже с его новыми силами выполнить задуманное – вернуться – оказалось очень нелегко. Все по той же причине – тело-то его почти не «фонило».

Вначале Кирилл решил, что тела его попросту больше нет, что его уничтожили и физически, – потому что не чувствовал он никакого отклика на свой призыв. А так ведь не должно быть: у него кроме души и разум имелся, и память, между прочим, тоже!

И Кирилл постоянно сканировал пространство, выискивая знакомые эмоции – воспоминания своего прошлого.

Ничего. Никаких воспоминаний. Его воспоминаний. Нету...

Отчаяние все сильнее затягивало его в трясину безнадежности, обволакивая со всех сторон гипнотизирующим шепотом: «Смирись! Тебя нет! Ты умер – там, в той реальности! А то место, куда ты попал, – и есть загробный мир. Он именно такой – здесь лишь ПУСТОТА и ЗАБВЕНИЕ. То есть вечный покой».

Наверное, если бы с Ланой все было в порядке, Кирилл действительно смирился бы. И успокоился бы. Навсегда.

Но он не мог!

И поэтому снова и снова он отправлялся на поиски самого себя, судорожно разыскивая в ментальном океане свою, личную, собственную волну. Хотя бы крохотную, так, легкий всплеск на поверхности океана...

Сколько времени это продолжалось – он не знал. Потому что способов и методов отсчета времени в ЭТОЙ реальности не существовало.

По его субъективным ощущениям – прошла Вечность.

И вдруг...

Кирилл почувствовал не просто легкий всплеск – он ощутил взрыв СВОИХ эмоций. СВОИХ СОБСТВЕННЫХ – он мгновенно узнал их!

Гнев, ярость, желание убить...

Он совсем не удивился такому «жесткому» коктейлю – просто не успел это сделать, немедленно рванувшись навстречу этому взрыву. Да и сложно было бы ожидать чего-то другого – ощущений неги и счастья, к примеру, – от брошенного на произвол судьбы бездушного тела.

Больше всего Кирилл боялся потерять «пеленг», навсегда остаться в этом ледяном вакууме. Он молил свое тело – не успокаиваться, «держаться» эмоции, не исчезать!

Потому что мгновенно перенестись в ту точку, где это тело находилось, Кирилл, как оказалось, был не в состоянии.

Вакуум не желал отпустить свою добычу, она ведь, добыча эта, так прочно вмерзла в лед, заняла свое место в постоянно возводимой кем-то конструкции небытия! И если именно эта часть всеобщего Вакуума исчезнет, то и вся конструкция может рухнуть! И тогда придется возводить новую!

Нет уж, еще чего не хватало! Из-за какой-то песчинки перекраивать законы этого мира?!
Никогда!

И ледяная толща стала еще более монолитной, сжимая пространство вокруг Кирилла, уплотняя его – все сильнее и сильнее.

Но и зов его тела становился все более отчетливым, Кирилл чувствовал, как нарастает ЕГО гнев. И с хрустом, с болью проламывался сквозь лед небытия, оставляя на его осколках кровавые лохмотья своей души.

Но в процессе борьбы таяла и его сила. А ледяной монолит становился все плотнее, ситуация – все безнадежнее...

Кирилл был уже совсем близко: он чувствовал ауру своего тела, пусть и очень странную, какую-то тускло-серую, но это точно была его аура. А значит, ему осталось совсем чуть-чуть – один последний рывок сквозь лед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.